

ДУАЛИСТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ КАК ОСОБЕННОСТЬ СЛАВЯНСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

В. Н. Яхно

Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, Беларусь

Менталитет – глубокое по содержанию понятие, обозначающее образ мышления, общую духовную настроенность, мировоззрение этноса, социальной группы или отдельного человека. Выявление особенностей ментальности этнической общности возможно в рамках анализа важнейших аксиологических позиций, долговременных стереотипов, навыков, традиций и латентных привычек, которые рассматриваются в определенных пространственно-временных границах и являются основой поведения и осознанного восприятия тех или иных явлений действительности. Парадигма воспри-

ятия и осмысления реальности, соответствующая определенному историческому этапу, состоит из множества часто антиномичных, дуалистических, противоречащих друг другу элементов, так как она формируется уже существующими на ментальном уровне обычаями, символами, суевериями, нормами поведения, надеждами, страхами и, конечно, материальными запросами людей. Ментальность отражает ту часть общественного и индивидуального сознания, где отсутствует логика, саморефлексия и рефлексия, а установки представляют собой неосознанно воспринятые идеи, общие в целом для той или иной эпохи, этнической или социальной группы.

Ментальность обусловлена коллективными представлениями, верованиями, мотивами и моделями поведения. У К. Г. Юнга это архаические «остатки», наличие которых не объясняется собственной жизнью индивида, а следует из первобытных врожденных и унаследованных «источников человеческого разума». Однако, в отличие от архетипа Юнга, ментальность всегда ограничена пространственно-временными и социокультурными рамками. Идеи психоаналитической школы К. Г. Юнга и интерес к анализу интуитивного, бессознательного, глубинное проникновение в тайны сознания, свободное исследование, не скованное строгостью логически непротиворечивой конструкции разума, ярко прослеживается в творчестве «философа большого стиля» Б. П. Вышеславцева.

Публицист, литературный критик и философ Вышеславцев всегда отличался активным интересом и восприятием всего нового. Он изучал психоанализ Фрейда, аналитическую психологию Юнга, теорию ценностей Макса Шелера. Философ был тесно связан с кругом Юнга, печатался в сборниках юнгианцев. Сам К. Г. Юнг восхищался его классической образованностью и называл ее «всевременностью души» русского человека.

Одна из ключевых тем религиозно-философской антропологии Б. П. Вышеславцева – анализ душевных и духовных установок, прежде всего ментальности и национального характера. «Характер, – пишет он, – имеет свой корень не в отчетливых идеях, не в содержании сознания, а скорее в бессознательных силах, в области подсознания» [1, с. 622]. И если «Фрейд думает», что бессознательное нашего духа «раскрывается в снах», то «сны народа – это его эпос, его сказки», его литература. Сказки народа «неумолимо правдивы», так как не выбирают самого красивого и благородного, как в поэзии, а раскрывают все стороны жизни: «прозаические, низменные, отвратительные и – возвышенно божественные». Следовательно, дуализм и максимализм русского характера, взаимное превращение крайних противоположностей, все позитивные и негативные черты – все это ярче всего проявляется именно в сказке, утверждает философ. В первую очередь Вышеславцев анализирует «основные страхи» русского народа, порождающие отрицательные черты характера. «Русская сказка показывает нам ясно, чего русский народ боится: он боится бедности, еще более боится труда, но всего более боится «горя» [1, с. 623]. Горе всегда «сидит в самом человеке», и чтобы прийти к спасению, нужно всегда дойти до конца (эту тему далее развивает Ф. М. Достоевский). Это не «внешняя судьба греков», связанная с заблуждением или незнанием, «горе» – это «собственная воля или, скорее, какое-то собственное безволие». Даже веселье русского человека незаметно переходит предел и становится источником «расточения» материальных и духовных сил, источником «горя».

С боязнью «горя» связан страх разбитой мечты, страх падения с небес, поэтому, считает Б. П. Вышеславцев, русская сказка так часто говорит об исканиях нового царства, лучшего места, стремления куда-то «за тридевять земель». Действительно, огромная территория России всегда создавала возможность для переселения и, следовательно, реальную возможность начать новую жизнь на новом месте, а не совершенствовать жизнь здесь и сейчас. Значит, мы найдем в русской сказке и самые заветные мечты рус-

ского идеализма, и самый «низменный житейский экономический материализм» – ведь это мечта о «новом царстве», где молочные реки и кисельные берега, а главное – там можно ничего не делать и лениться.

Ментальность, проявляясь в национальном характере, необычайно устойчива. Все колебания судьбы народа могут быть тщательно скрыты в официальной идеологии, но именно сказка, по мнению философа, все разоблачает: и «социальную вражду, и жажду социальной утопии». Потому в русской сказке повторяется постоянная тема о том, как мужик стал первым министром или самим царем.

Среди позитивных черт русского характера Б. П. Вышеславцев отмечает самокритичность, ироничность, умение смеяться над собой. Анализируя сущность русской души, «русской Психеи», он утверждает, что это душа, умеющая видеть красоту. Но эта мудрость и красота «в нашем русском мировоззрении понимается не в смысле абстрактных идей Платона, отрешенных и оторванных от мира, не в смысле вечно недостижимого идеала, а в смысле конкретной мудрости и красоты, воплощенной в космосе, в природе, в душе». Так, полагал он, проявляет себя русский Эрос: «вражда, раздор есть для нас не столько нарушение закона и долга, сколько нарушение космоса, красоты, любовной гармонии» [1, с. 637–638]. Русский Эрос жаждет беспредельного, а потому и сам беспределен, бесформен, стихийен, лишен граней, оттого в структуре русской души ведущее место отводится эмоциональным основаниям. Дисгармония жизни вызывает у русского человека отчаяние, он начинает все отрицать и разрушать в порыве нигилизма, поэтому задача русского человека – овладеть бессознательной, стихийной силой «нашего беспорядочного Эроса, найти центр», овладеть собой. В этом состоит моральная задача русского народа, считает Б. П. Вышеславцев.

Однако национализм в философии и в науке невозможен, но возможен «преимущественный интерес к различным традициям мысли у различных наций» [1, с. 7]. Этим обусловлен особый интерес философа к творчеству А. С. Пушкина и Ф. М. Достоевского. Вышеславцев Б. П. после «революционного извержения» пытался понять причины случившегося и «заглянуть» в будущее. Поэзия Пушкина, по его мнению, есть «поэзия свободы», знак и доказательство того, что потенциально русский человек свободнее западного. Поэтому у него он ищет светлые пророчества относительно будущего. Но «русская стихия», так глубоко освещенная и осмысленная Достоевским, не дает этой свободе выделиться в социально приемлемые формы, так как «русский человек боится сам себя». Поэтому у Достоевского он ищет ответ о причинах постигшей Россию катастрофы (революции). Философ пытается преодолеть крайности славянофильства и западничества и пророчесствует: спасти Россию может «лишь трезвый практицизм и реализм, порожденный русской стихией» [2, с. 174].

Анализирует проблему дуализма, «противоречивости русской души» и замечательный этнограф, литературовед, «позитивист и аналитик» А. Н. Веселовский. Ученый доказывает, что сходные мифологические мотивы и сюжеты у разных народов на одинаковых стадиях общественного развития возникали не только как заимствования, но и как самостоятельные явления, обозначая особенности их ментальности. Исследуя мифологию славян, он как поборник позитивизма особенно увлекается вопросами генезиса, эволюционными процессами и использует историко-сравнительный метод. Одним из первых он обращается к фольклору и активно изучает мифологические сюжеты. Этот богатый пласт культуры славянского этноса (русского, белорусского, украинского, польского, сербского, хорватского, болгарского и др.) он называет «первобытным синкретизмом». Эти мотивы, тропы, сюжеты позднее будут названы архетипическими.

В «Дуалистических поверьях о мироздании», «Народных представлениях славян» и других работах [3] Веселовский, используя метод сравнительной мифологии, создает подлинную энциклопедию духовной жизни славянского этноса. Его наблюдения и соб-

ранный им колоссальный материал демонстрируют «двойственность» ментальности славянских народов, и не только на примере дуалистических сюжетов о мироздании, но и на основе сказок и поэтических сказаний об особенностях судьбы. Это сложные «колеблющиеся» представления, объединившие разнородные элементы жизни и смерти, прирожденности и случайности, добра и зла, богатства и бедности, непререкаемости и свободной воли, доли (судьбы) или недоли, что столь ярко отразилось в национальном характере многих славянских народов.

Таким образом, славянский этнос, с точки зрения философов Вышеславцева и Веселовского, обладает общим «умственным инструментарием», «психологической остаткой», ментальностью, которая позволяет им по-своему воспринимать и осознавать свое природное и социальное окружение, а также самих себя, собственную судьбу. Изучение и понимание особенностей ментальности любой этнической общности или социальной группы чрезвычайно значимо, так как любые изменения в обществе зависят от «человеческого фактора», а следовательно, предполагают изменение (порой медленное и мучительное) ментальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вышеславцев, Б. П. Русский национальный характер / Б. П. Вышеславцев // Русский мир : сборник. – М., СПб., 2003.
2. Вышеславцев, Б. П. Вечное в русской философии / Б. П. Вышеславцев // Этика преображенного Эроса. – М. : 1994.
3. Веселовский, А. Народные представления славян / А. Веселовский. – М., 2006.